

Хуянь Лу ошеломленно замер, не в силах отвести взгляд от Хан Сиэня, державшего в руках маску. Его глаза широко распахнулись от изумления. Впрочем, потрясен был не он один — по обе стороны границы воины застыли как вкопанные, но сильнее всего это наблюдение поразило людей из Великой Чжоу.

Стоило кому-то в Великой Чжоу упомянуть Хан Сиэня, наследника герцога Хань, как все тут же вспоминали: этот человек пользуется безграничным доверием императора, но при этом уродлив как смертный грех и невероятно жесток в своих методах. Слухи о его неописуемом уродстве поначалу расползлись из столичного двора по окрестностям, а затем, подхваченные молвой о его беспощадных и скорых решениях, докатились и до самых дальних рубежей, достигнув ушей чужеземцев.

Когда наследник впервые появился в маске, у всех сложилось вполне определенное мнение: под ней он скрывает лицо, столь обезображенное, что его просто нельзя показывать людям.

Однако представший пред взором Хуянь Лу облик поражал благородством и утонченной, безупречной красотой. В чертах юноши читалось высокомерие, неуловимо смягченное легкой ленцией. Даже просто стоя здесь, небрежно и расслабленно, наследник излучал величие. Его кожа казалась чистой, словно драгоценный белый нефрит, а весь его вид являл собой образец изящества и стати.

Красивые люди, будь то мужчины или женщины, неизменно приковывают к себе взгляды. Но когда человек, которого все заочно считали безобразным калекой, сбрасывает личину и являет миру столь совершенный лик, потрясение оказывается слишком велико.

Никто не помышлял о греховном вожделении — людей лишил дара речи сам контраст, сокрушительный и прекрасный в своем великолепии.

Стоявший подле него Бай Шу ревниво ловил чужие удивленные взгляды, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение. Он давно знал, насколько красив Хан Сиэнь, и привык к его истинному облику. Но сейчас в его груди пробудилось дикое, непреодолимое желание собственноручно вернуть маску на лицо юноши, укрыть его от праздного любопытства толпы и больше никогда, ни одной живой душе не позволять любоваться этой красотой.

Впрочем, этот порыв так и остался невысказанным — исполнить его было невозможно. Хан Сиэнь, до этого безучастно созерцавший Хуянь Лу, уловил бурю эмоций, бушевавшую в душе Бай Шу, и неторопливо перевел на него взгляд.

Бай Шу встретился с ним глазами и тут же поджал губы. Его взгляд, преданный и растерянный, выдавал глубокое смтение — так смотрит брошенный хозяином пес. Хан Сиэнь слегка нахмурился, ощутив внезапный укол раздражения.

Впервые Хан Сиэню по-настоящему расхотелось знать, о чем думает его спутник. В этот миг он поймал себя на мысли: как было бы славно, умей Бай Шу, подобно Цзи Ло, скрывать свои помыслы так глубоко, чтобы ни один посторонний не мог прочесть их в его душе.

Первым из войска Великой Чжоу в себя пришел великий генерал Бай Вэньхань, хотя в его глазах все еще читалось потрясение.

Ему уже доводилось видеть истинное лицо Хан Сиэня на портрете, который Бай Шу выписывал с величайшим, пугающим тщанием. Но все это время генерал считал тот рисунок лишь плодом художественного вымысла, искусной фантазией, не имеющей ничего общего с изможденным, землисто-серым и едва живым юношей, коим представал перед всеми наследник.

И теперь, когда Хан Сиэнь снял маску, явив миру черты куда более изящные и совершенные, нежели на холсте, генерал невольно опешил. Впрочем, закаленный в боях военачальник быстро совладал с собой.

Однако, случайно скользнув взглядом по лицу младшего брата, Бай Вэньхань заметил, как тот смотрит на Хан Сиэня. Неприкрытое вожделение и жажда собственности в глазах юноши заставили сердце генерала болезненно сжаться. Его захлестнуло тяжелое предчувствие: события окончательно вышли из-под контроля, увлекая их всех по предначертанному пути.

У Бай Вэньханя отчаянно заняла голова. Сомнений не осталось: Бай Шу питал к наследнику совсем не дружеские чувства. Но как его непутевый брат, никогда не отличавшийся проницательностью, умудрился зайти так далеко и выдать себя?

Понимая, что на границе двух государств не место семейным дразгам, Бай Вэньхань усилием воли подавил смятение. Повернувшись к Хан Сиэню, он почтительно поклонился и произнес:

— Наследник, несчастные едва одеты, а степной ветер нынче суров. Не лучше ли нам поскорее увести их в город? Пусть воссоединятся с семьями да согреются горячей похлебкой.

В этих словах генерала крылась недвусмысленная издевка в адрес скупости и жестокости Сижуня.

Хан Сиэню и самому давно наскучило стоять здесь под прицелом сотен любопытных глаз, словно ярмарочному шуту, поэтому он молча согласился, едва заметно кивнув.

Бай Вэньхань своими словами вывел всех из оцепенения. Заметив, что Хан Сиэнь без колебаний разворачивается к паланкину, Хуянь Лу со смехом окликнул его:

— Наследник Хань! В Великой Чжоу поговаривали, будто ты уродлив, но сегодня я убедился, что людская молва лжива. Если твой лик считают безобразным, то на всем белом свете едва ли сыщется хоть один красавец. Будь ты гэером, я бы не поскупился на горы золота, лишь бы

вымолить у твоего императора согласие на брак. Одно мне любопытно: неужто сам повелитель Великой Чжоу, созерцая твою красоту, ни разу не прельстился ею?

В этих словах сквозила злая, ядовитая насмешка, хотя доля шутки и даже искреннего восхищения в них тоже имелась. Воины обеих армий, услышав столь дерзкую речь, оцепенели, у каждого в душе шевельнулось неладное предчувствие.

Бай Шу, шедший следом за Хан Сиэнем, резко обернулся. Его рука непроизвольно легла на эфес — он готов был в то же мгновение снести наглецу голову. Но не успел он обнажить клинок, как Хан Сиэнь перехватил его запястье.

С его силой и мастерством Бай Шу мог бы без труда высвободить руку из этих тонких, прохладных пальцев, однако он замер, послушно подчинившись чужой воле.

Опустив взгляд на изящную, белую кисть, крепко державшую его за запястье, юноша медленно поднял глаза на Хан Сиэня.

Наследник небрежно отпустил его руку, слегка изогнул бровь и с едва заметным сочувствием посмотрел на Хуянь Лу. Его тонкие губы тронула холодная усмешка:

— Третий принц, не всякому суждено быть столь ограниченным в своих суждениях. Земли Сижун скудны, народ ваш бедствует и голодает, оттого и взоры ваши не привыкли к истинному благородству. Великая Чжоу же обширна и богата, красивых мужей у нас без счета, а в императорском совете нет ни единого калеки с кривым носом или косыми глазами. Дико видеть, что столь заурядная вещь, как приятное лицо, способна повергнуть вас в такой трепет.

Затем Хан Сиэнь смерил Хуянь Лу оценивающим взглядом с головы до ног и добавил с пренебрежительной мягкостью:

— Впрочем, не стоит унывать. Статная внешность даруется небом, и завистью тут горю не помочь.

Даже не взглянув на искажившееся от ярости лицо третьего принца, наследник откинул занавесь и скрылся в паланкине.

Плотная шелковая ткань опустилась, носильщики дружно подхватили паланкин на плечи и двинулись прочь.

Бай Вэньхань, глядя на почерневшего от злости Хуянь Лу, расплылся в слащавой улыбке:

— Третий принц, советую вам поскорее позаботиться о руке великого генерала Ухэ. Будет досадно, ежели кость срастется неверно и Сижун лишится столь доблестного воина. И раз уж сегодня мы пришли к согласию, извольте впредь крепче держать на привязи своих подданных.

Если кто-то из них вновь посмеет без дозволения ступить на земли Великой Чжоу, разговор будет иным.

Развернув коня, генерал пустил его вскачь. Хуянь Лу и его воинам оставалось лишь бессильно провожать взглядами удаляющийся отряд, не смея сделать ни единого шага за пограничную черту.

На глазах у врагов Бай Вэньхань держался уверенно и грозно, но в действительности его нервы были натянуты как тетива. Лишь когда войско миновало Склоны Цветущей Сливы и углубилось в безопасные земли, он позволил себе облегченно вздохнуть.

Однако мысли о снятой маске Хан Сиэня вновь лишили генерала покоя. При дворе наследник всегда появлялся с закрытым лицом, уверяя государя, что его кожа изуродована шрамами, и даже однажды публично отчитал за это Чжоу Жаня.

Теперь же, когда обман раскрылся, недоброжелатели непременно обвинят его в умышленной лжи императору. А ведь это чистой воды государственное преступление!

Еще в тот день, когда Бай Шу писал портрет наследника, генерала терзали смутные предчувствия. Поразительное, пугающее сходство юноши с покойным Императорским благородным супругом Ван Ином, которого император некогда любил больше жизни, не сулило ничего хорошего.

Вообразив, что произойдет, когда Хан Сиэнь вернется в столицу и предстанет пред грозными очами государя, да еще прибавив к этому очевидное и безумное влечение собственного брата, Бай Вэньхань почувствовал, как у него раскалывается голова.

Теперь он и сам не знал, радоваться ли тому, что маска наконец сброшена, или проклинать этот день.

Сам же Хан Сиэнь сочетал в себе абсолютное равнодушие к чужим тревогам. Пусть император безумствовал по Ван Ину — даже если бы их лица совпадали до мельчайшей черточки, юношу это ни капли не заботило.

Мнимый грех обмана величества казался ему сущим пустяком. Маска служила лишь щитом от мелких неурядиц. Теперь, когда этот щит раскололся, не имело значения, что будет дальше.

Единственным, кто вызывал у него глухую досаду и чувство бессилия, оставался Бай Шу — его незванный спаситель.

Когда отряд Бай Вэньханя и паланкин Хан Сиэня благополучно достигли лагеря у Склонов

Цветущей Сливы, великий генерал Лю Хучэн испытал целую бурю чувств, хотя искреннее облегчение все же пересилило прежние сомнения.

Пятый принц Цзи Хуай в очередной раз укусил локти от досады. Он понимал, что после такого триумфа Бай Вэньхань и Хан Сиэнь заслужат великую милость императора. Не следовало ему отсиживаться в лагере под предлогом осторожности — нужно было идти вместе с ними!

Занятые собственными интригами и помыслами, командиры на Склонах Цветущей Сливы вели себя довольно рассеянно и не сразу заметили странное, смутное выражение на лицах вернувшихся воинов.

Когда отряд приблизился, Бай Вэньхань спешился, а носильщики бережно опустили паланкин наследника на землю.

Обычно суровые и дисциплинированные гвардейцы теперь то и дело бросали косые, растерянные взгляды на занавешенные окна паланкина, напрочь позабыв о строевой выправке.

Заметив эту сумятицу, Лю Хучэн встревожился. Решив, что капризный маркиз получил ранение в стычке, он мысленно обругал Бай Вэньханя последними словами: «Ну надо же было так оплошать! Ладно бы пострадал кто другой, но ведь этот ядовитый змей теперь заживо всех сожрет!»

В этот момент занавески паланкина раздвинулись, и Хан Сиэнь ступил на траву. Лю Хучэн, натянув приветливую улыбку, поспешил навстречу:

— Наследник совершил великий подвиг ради империи! Я, как командующий...

Он намеревался с ходу заявить, что лично представит героя к высочайшей награде — даже если тот ранен, заслуги его неоспоримы.

Однако, подняв глаза и узрев безупречно красивый, холодный лик юноши, великий генерал Лю осекся на полуслове. Позади него среди офицеров пронесся дружный вздох изумления.

Генерал Лю потрясенно захлопал глазами, не веря собственной памяти, а затем невольно уставился в глубь пустого паланкина — словно надеялся обнаружить там прежнего Хан Сиэня, скрытого за уродливой глиняной личиной.

Пока Лю Хучэн беззвучно хватал ртом воздух, потрясенный Цзи Хуай выдал из себя:

— Хань... Хан Сиэнь?

Его глаза округлились от предельного изумления и недоверия.

Как этот юноша неземной красоты мог оказаться тем самым чудовищем, чьим безобразным лицом столичные няньки пугали капризных детей? Но если перед ним не наследник Хань, то кто же тогда стоит пред ними?

Хан Сиэнь недовольно поморщился под их пристальными взглядами. Повернувшись к Лю Хучэну, он раздраженно бросил:

— Генерал Лю, к чему это глупое созерцание? На моем лице что, цветы распустились? Спасенные пленники изнурены телом и духом. Не соизволите ли вы, как командующий, заняться делом? Прикажите осмотреть их и поскорее отправить по домам.

Стоило юноше заговорить в своей извечной язвительной манере, как генерал Лю мгновенно успокоился: сомнений не осталось, столь невыносимым нравом обладал лишь один человек во всей Великой Чжоу — маркиз Вечного Покоя.

Уняв волнение, умудренный опытом военачальник уловил тонкий намек в словах наследника. Настаивая на проверке, тот предупреждал: среди освобожденных бедолаг вполне могли укрыться лазутчики, завербованные степняками.

Лю Хучэн посерьезнел. Обернувшись к Бай Вэньханю, он отдал распоряжение:

— Вэньхань, распорядись накормить несчастных. Пусть лекари осматривают каждого. Запишите их имена и селения, после чего помогите добраться к родным очагам.

Генерал Бай поспешил исполнить приказ. Только сейчас измученные пленники осознали, что весь этот кошмар позади и они на родной земле — многие бессильно опустили на траву, рыдая в голос. Их горький плач отвлек солдат от созерцания прекрасного лика Хан Сиэня.

Равнодушно скользнув взглядом по пятому принцу, Хан Сиэнь вновь обратился к Лю Хучэну:

— Генерал Лю, мое поручение здесь исполнено, посему я возвращаюсь в город. А вам, почтенный командующий, советую впредь держать ухо востро и получше охранять наши рубежи, дабы враг более не находил лазеек в вашей обороне.

Лю Хучэн поспешно ответил:

— Вы совершили великое дело, Наследник. Я немедленно отправлю в столицу подробный отчет и представляю вас к награде.

Хан Сиэнь лишь небрежно отмахнулся. Даже если бы командующий решил утаить его заслуги, тайные соглядатаи императора все равно доложили бы владыке о каждом сделанном шаге. Власть накладывает отпечаток вечной подозрительности, и государь никогда не пренебрегал доносами.

Наследник уже повернулся к паланкину, когда Бай Вэньхань шагнул вперед и почтительно спросил:

— Наследник, в нашей семье возникли спешные дела. Могу ли я просить вашего дозволения для моего брата, Бай Шу, задержаться в лагере на пару дней, прежде чем он вернется к исполнению своих обязанностей при вашей особе?

Сам Бай Шу мгновенно помрачнел, недовольно сводя брови — у него и в мыслях не было покидать господина.

Однако старший брат смерил его непреклонным взглядом. Генерал твердо решил во что бы то ни стало поговорить с упрямым с глазу на глаз и вытрясти из него всю правду. И пока этот разговор не состоится, парень не сделает из лагеря ни шагу.

Хан Сиэнь даже не удостоил Бай Шу взглядом. Холодно посмотрев на генерала, он ответил:

— Моя резиденция пребывает в совершенной безопасности, да и столичная стража несет службу исправно. В услугах молодого господина Бая более нет нужды. Не стоит ради меня нарушать строгую воинскую дисциплину.

Эти ледяные слова больно ранили Бай Шу, на его лице отразилась глубокая обида. Бай Вэньхань же похолодел от дурного предчувствия. Внимательно вглядываясь в бесстрастное лицо юноши, он понял: наследник давно раскусил тайные помыслы его глупого брата и сейчас прямо, без обиняков, указал ему на дверь.

Генерал мысленно застонал от досады, не смея даже взглянуть на несчастного Бай Шу.

Договорив, Хан Сиэнь развернулся и ушел, сохраняя свою обычную надменность. Но теперь, лишенная безобразной маски, эта горделивая осанка более не казалась военным столь отталкивающей, напротив — в ней виделось лишь величие истинного аристократа.

Пятый принц Цзи Хуай продолжал ошеломленно смотреть вслед удаляющемуся паланкину. Его разум лихорадочно искал ответы. Зачем человеку, наделенному столь совершенной красотой, годами терпеть гнусные слухи о собственном уродстве и прятать лицо от мира?

Тут явно крылась какая-то зловещая, недоступная простым смертным тайна. В груди принца зашевелился азарт: если ему удастся раскопать истину, в его руках окажется бесценное оружие против невыносимого маркиза.

«К тому же отец-император наверняка пребывает в блаженном неведении! — злорадно подумал Цзи Хуай. — Каковы бы ни были причины, этот негодяй посмел обмануть самого государя. А уж когда правда откроется, гнев его величества сотрет наглеца в порошок!»

«Обман императора...» — смакуя каждое слово, подумал принц и довольно усмехнулся. — «Что ж, когда придет время отправлять отчет в столицу, я не пожалею самых ярких красок, чтобы описать сие великое предательство».

Этой ночью принц не стал возвращаться во дворец. Приняв благочестивый вид, он остался в лагере, дабы лично, как подобает заботливому сыну неба, утешить пострадавших подданных Великой Чжоу.

Несчастные люди, никогда прежде не видевшие столь милостивых особ императорской крови, были растроганы до глубины души и превозносили добродетель Цзи Хуая до небес.

А слухи о том, что некогда жестокий урод Хан Сиэнь на самом деле прекрасен лицом как небожитель, всего за одну ночь разнеслись по всей многотысячной армии Сицзяна.

<http://bllate.org/book/20088/2002086>